

ДЖ. ДЖ. А. ХАРБУД

ТЪМА

В ХРУСТАЛЬНОЙ

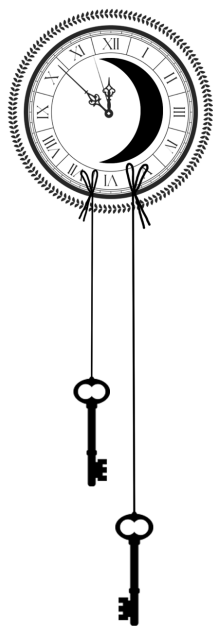
СТУФЕЛЬКЕ

МОСКВА
2022

*Посвящается Роузи, Джесс, Джорджи и Вэй —
за всю поддержку и вдохновение.
В общем-то, всё это — их вина.*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Если б кто-то застукал Элеонору, её бы уволили на месте. Дом поскрипывал, погружаясь в сон, и зной последних дней августа тихо ускользал в ночь.

Элеонора единственная бодрствовала. Ступая тихо, она казалась почти бестелесной, словно пламя. Могла проскользнуть мимо холодных каминов и укрытых чехлами от пыли кресел, похожих на ледники, оставив позади лишь лёгкое движение воздуха, словно дуновение ветерка.

Элеонора прокралась в библиотеку; свет свечи робко касался стен. Тёмные корешки книг были рядами окон, только и ждущих, чтобы их открыли. Открой одно, и узнаешь секреты османских дворцов, откроешь следующее — и увидишь уходящую за горизонт пустыню. Особняк Гранборо исчезнет. Элеонора улыбнулась. Да, ради некоторых вещей стоило рисковать быть уволенной, особенно если хозяин покинул дом на весь вечер.

Элеонора поставила свечу и огляделась. Влажные экваториальные леса в жаркой дымке. Версаль, сверкающий в темноте, словно упавшая на землю звезда. Верона — Джульетта на балконе, вздыхающая в темноту. Это был идеальный вечер для стихов: девушка могла бы вытянуть ноги и тихо шептать сонеты в неспешной знойной тишине. Но тогда она заплачет, и миссис Филдинг непременно заметит это уже утром. Лучше сохранить лицо непроницаемым, чтобы экономка не любопытствовала.

Элеонора заперла дверь и снова спрятала ключ от библиотеки в рукаве. Она украла ключ, сняла с шатлена¹ миссис Пембрук. Хотя хозяйка дома и умерла более трёх лет назад, Элеонору всё ещё охватывал стыд, когда она рылась в вещах миссис Пембрук. Не то чтобы та была против. Последние несколько месяцев своей жизни женщина провела, лёжа на подушках, рассказывая Элеоноре, как заботиться обо всём, что она унаследует согласно завещанию миссис Пембрук.

Ключ на руке показался Элеоноре тяжёлым, словно оковы. Миссис Пембрук никогда бы не пожелала увидеть, как девушка пробирается по дому, словно воровка, просто чтобы почитать.

Хозяйка дома вообще не хотела, чтобы Элеонора стала служанкой. Версаль, Верона, может быть, даже тропический лес — во все эти места Элеонора могла бы отправиться, если б только миссис Пембрук была жива. К горлу подкатил ком. Миссис Пембрук планировала взять Элеонору в путешествие по Европе, когда та станет достаточно взрослой, чтобы вступить в высшее общество. И вдруг всё это показалось ужасно жестоким — все эти истории о путешествиях, разложенные перед ней. А ведь когда-то она была так близка к тому, чтобы воочию увидеть эти места, о которых здесь было написано.

Элеонора постаралась встряхнуться и велела себе не расстраиваться. Она взяла с полки «Кольцо Фэйри» и, как только книга оказалась у неё в руках, сразу же почувствовала себя лучше. Отпечатки её пальцев — конечно же, поменьше, чем сейчас, — отмечали оглавление, а обложка на уголке сзади была чуть потрёпана, поскольку Элеонора всё время теребила его, когда читала.

Когда девушка устроилась в своём любимом кресле с книгой в руках, душащий ком в горле растаял. В свои

¹ Шатлен — декоративный пояс или аксессуар, к которому крепятся различные предметы, например, ключи, часы, ножницы, печати и прочее. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

семнадцать она уже знала, что давно пора вырасти из всего этого, но так трудно было расстаться с миром, где росли деревья с нежными золотыми и серебряными ветвями, а в прохладной чистой воде таились странные создания! Элеонора позволяла себе заблудиться на узких тропках, петляющих через тёмный лес, страстно мечтала уметь превращать соломку в золото и завидовала двенадцати братьям, которые превратились в лебедей. Это казалось таким прекрасным — стать белоснежной птицей, которая может лететь куда угодно.

Когда часы пробили полночь, девушка поставила книгу обратно, убедившись, что устроила её на место точно так же, как прежде. Звон был тихим, но звук тяжело отдался в груди Элеоноры, словно свинцовая гирия. Старое воспоминание пробилось на поверхность её мыслей: ей было девять, и она свернулась клубочком, прижавшись спиной к ножке железной кровати, когда другие — более дешёвые и более жестокие часы — пробили полночь, — но Элеонора стряхнула его. Не стоит сейчас думать о собственной матери.

Где-то снаружи по брусчатке прогрохотала карета. Девушка вздрогнула и чуть не уронила свечу. Сердце колотилось. Этим вечером мистер Пембрук собирался поужинать в своём клубе. Что, если он передумал и вернулся пораньше?

Элеонора замерла у двери, прислушиваясь, беря себя в руки. Если она успеет прошмыгнуть быстро, никто даже не догадается, что она покидала свою комнату. Девушка прокралась обратно по лестнице для слуг и проскользнула в свою каморку, постаравшись не вздрогнуть при виде голых досок, железного каркаса кровати и бесполезного обрывка занавески, безвольно свисающего на окне. Не обращая внимания на то, что одеяла пахивали плесенью, Элеонора забралась в кровать, бережно лелея воспоминания о сказках — словно грея ладони у крошечного пламени. А когда уснула, ей снились огромные крылья, уносившие её прочь, и девушка не знала, были ли то её собственные крылья.

Трудно верить в сказки, когда просыпаешься от запаха сырости. Плечи Элеоноры были тяжёлыми, как мешок с камнями, а колени уже болели. В её каморке в мансарде не было ровным счётом ничего волшебного. Маленький комод, дешёвый и потрескавшийся. Кувшин и выщербленный умывальник. Покатая крыша была слишком низкой, а на стенах и потолке остались влажные пятна. Она словно спала на дне колодца.

Элеонора надела форму — добротное коричневое шерстяное платье, которое всё ещё кололось, сколько бы раз девушка его ни стирала, но всё ещё вспоминала, как мерно вздымались её крылья, о которых она так мечтала. Позже она расскажет об этом Ифе, и пока они будут начищать серебро, перечислят все места, куда хотели бы полететь.

Как всегда, Элеонора проверила свой ящичек с деньгами, прежде чем покинула комнату. Она не стала открывать комод, просто потянула ящик на несколько дюймов, чтобы мешочек подкатился поближе, звеня монетками. Глупая привычка, но от этого звука внутри вспыхивала надежда. Теперь у неё скопилось примерно двадцать пять фунтов — почти достаточно, чтобы снять себе чистые красивые комнаты на несколько месяцев, но после этого придётся как-то жить дальше. Недолго она будет опорожнять чужие ночные горшки.

Элеонора тихонько выскользнула в коридор и постучала в дверь Леи.

Живот Леи возвышался словно холмик над долиной простыней. Тёмные волосы рассыпались по подушке, а длинные руки и ноги торчали из-под одеял. Во сне она вздрагивала, и её ресницы трепетали, когда ребёнок внутри двигался. Остальные служанки делали вид, словно не замечают, как Элеонора помогала Лее ослабить пояс её форменного платья. Гнев пронёсся внутри яркой вспышкой. Все девять месяцев Элеонора готова была притворяться удивлённой и изобразила бы изумление, когда родится ребёнок, но ведь от неё ничего не зависело. Всё зависело

от миссис Филдинг, и остальные прекрасно знали, что, как только Лея больше не сможет скрывать своё положение, экономка уволит её без рекомендаций. Лея тоже знала это. Её саквояж был упакован уже несколько недель как — просто на всякий случай.

Элеонора кашлянула.

— Лея?

Лея резко проснулась, распахнула глаза.

— Господи, Элла! Я думала, ты...

— Он, кажется, пока не вернулся, — сказала Элеонора, притворяя за собой дверь. — Я подумала, тебе понадобится помощь, чтобы одеться.

Лея вспыхнула:

— Кажется, заметно лишь самую малость.

Элеонора постаралась, чтобы её голос звучал мягко:

— Уже не совсем малость...

Лея вылезла из постели. Когда она встала на ноги, Элеонора ощутила трепет надежды. Её подруга всегда была пышной, и если будет держаться прямо, возможно, миссис Филдинг подумает, что девушка просто прибавила в весе. Конечно, были и другие признаки — тёмные круги под глазами от бессонных ночей, чуть осунувшееся лицо из-за утреннего недомогания. Но все служанки уставали, и Лея всегда могла сослаться на то, что съела что-то не то. Возможно, пока Лее не пришло время уходить. Не прямо сейчас. Возможно, в этот раз всё будет иначе.

В комнатке — такой же маленькой и обшарпанной, как каморка Элеоноры, — не было зеркала. Лея растянула чулок и попыталась намотать его вокруг талии, чтобы посмотреть, насколько вырос живот. Концы чулка едва сошлись, и девушка отбросила его в сторону. Руки у неё дрожали. Элеонора подняла чулок, разгладила и сложила, стараясь не смотреть в лицо подруге. Это заняло больше времени, чем следовало, — отчаяние, разочарование сделали её неуклюжей.

— Может, миссис Филдинг пока не...

Лея сухо рассмеялась:

— Раз уж ты заметила несколько недель назад, Крошка Нелл, надежды у меня не осталось.

Старое прозвище кольнуло, словно игла, которую кто-то сунул под ноготь. Элеонора сдержалась.

— А ты никогда не думала о том, чтобы... ускорить роды? Есть ведь женщины, которые могли бы...

Лея уставилась на неё. Серые глаза были полны изумления:

— Я бы никогда не стала! И где ты только о таком наслушалась?

Элеонора покраснела. Лея ведь была далеко не первой служанкой в особняке Гранборо, которая забеременела.

— Ох да, я бы тоже не стала, — пробормотала она. — Но непохоже, чтобы ты была счастлива, и я подумала...

— Конечно же я не счастлива! — огрызнулась Лея.

Элеонора протянула к ней руку, но Лея оттолкнула её ладонь:

— Лучше иди.

Элеонора спустилась по лестнице, оставив Лею бороться со шнуровкой платья самостоятельно. В огромной кухне особняка Гранборо было тихо и темно. Сквозь окно, располагавшееся на уровне улицы, пробивалась тонкая полоска света. Элеонора наполнила ведёрко углём и с третьей попытки разожгла кухонную плиту, прежде чем вошли остальные слуги. Дым от углей обжигал глаза, но девушка смотрела на пламя, и по лицу текли слёзы.

Ходить за водой — худшая часть утра Элеоноры. Железное ведро било по голеним, когда она поднималась по ступеням к их маленькому участку сада. Серый свет заливал высокие стены. Трава в саду, деревья и старый каретный двор казались смутными очертаниями в сумерках. Когда девушка подошла к насосу в конце заросшего сорняками участка, разбитые окна заброшенного каретного сарая заблестели.

Желоб под насосом был заполнен водой и покрыт тонким слоем мёртвых мух. Элеонора надавила на рычаг. Помпа издала ужасный всасывающий звук и залила водой её юбки. За стеной грохотали экипажи — быстро, резко. Дома вокруг уже пробуждались к жизни. Элеонора слышала, как открываются двери, лязгают вёдра и, прогреваясь, тихо вздыхают дымоходы, один за другим. Мэйфер¹ был по-прежнему тих, но Элеонора уже слышала шум, когда повернула голову в сторону Мэрилибон². Неспешный стук колёс возвещал о прибытии гружёных тележек уличных торговцев. Издалека раздавался крик: «Кофе! Горячий кофе!» Кажется, со стороны Уголка Ораторов³. Уличные торговцы всегда приходили туда рано, продавая свиные ножки рьяным верующим, которые так заботились о своих душах, что забывали о телах. Но, пожалуй, так даже лучше, если собираешься попробовать товар этих торговцев. Продавец фруктов на углу Уигмор-стрит, например, варил апельсины, что было не так уж и плохо.

Элеонора потащила ведро в дом.

Когда она закончила, большинство служанок уже собрались у кухонного стола. Худая кудрявая Лиззи зевала над своей плоской с овсянкой. Леи так и не было. Ифе улыбнулась Элеоноре — её глаза всё ещё были затуманены со сна. Дейзи, последняя оставшаяся помощница кухарки, сгорбилась над плитой. Мышцы её сильных смуглых рук напрягались, пока она помешивала кашу в тяжёлом котле. Дейзи налила ещё одну плошку. Поймав её взгляд, Ифе покраснела. Элеонора готова была поклясться, что видела, как Дейзи подмигнула.

— А где Лея? — спросила Элеонора. — Всё ещё одевается?

¹ Мэйфер — престижный район Лондона.

² Мэрилибон, или Марилебон — зажиточный квартал на севере Вестминстера.

³ Уголок Ораторов — место, где разрешены публичные выступления, дебаты и дискуссии.